

Театр — это прежде всего движение души

24 мая артист МХТ имени Чехова Евгений КИНДИНОВ отметил свой 60-летний юбилей. Актер старой закалки, по его собственным словам, "человек из прошлого", Киндинов уже больше 30 лет хранит верность этому театру. Хотя творческая судьба делала причудливые зигзаги — бешеная популярность молодого актера после выхода на экраны таких фильмов, как "Городской романс" и "Романс о влюбленных", периоды невостремленности и простоя, несовпадение с современной модной театральной эстетикой. Тем не менее Киндинов признается, что был и остается оптимистом, верящим в то, что театр непременно преодолеет затяжной кризис и еще поможет формированию мировоззрения молодого поколения. 28 мая в МХТ состоится бенефис артиста, он выйдет на сцену в спектакле "Рождественские грезы", который с неизменным успехом идет уже несколько лет.

— Евгений Арсеньевич, в одном из интервью вы признались, что вовсе не собирались становиться актером, поскольку вас влекла романтика иного рода.

— Сейчас я бы сказал конкретнее: я с детства был ушиблен путешествиями. Мое самое страстное детское увлечение — коллекционирование марок. А это — своеобразное знакомство с географической картой мира. И книжки мои любимые — о путешественниках. Когда я учился в старших классах, то собирался поступать на журналистику, поскольку слово "журналист" было для меня синонимом "путешественника". И самостоятельно учил английский язык, поскольку родители не могли обеспечить меня педагогом. Поэтому тут дело не в романтике, а в охоте к перемене мест.

Ну и получилось, что актерская профессия позволила утолить мою страсть к путешествиям. Весь Советский Союз я проехал еще студентом, с концертными бригадами. Был в уникальных местах, например на Военно-Грузинской дороге, куда сейчас не попадешь без риска для жизни. А с театральными гастролями потом весь мир объездил — от Австралии до Англии. Причем что такое рабочая поездка? Это ведь совсем не туризм. Ты имеешь возможность общаться с тамошними коллегами или, например, какое-то время жить в иностранной семье. Это, конечно, намного интереснее, нежели просто глазеть из окна автобуса на заграничные красоты.

— То есть похалеть о выборе профессии вам не довелось?

— Ни в коем случае. Потому что все эти путешествия, гастроли — все-таки вещи прикладные. Главное же, чтобы работа была тебе по душе. Я именно этого желаю сейчас своей дочери.

— Она пошла по вашим стопам?

— Нет, актрисой она быть не хочет. Но пошла, я бы сказал, по моим детским стопам. Она любит языки, которые ей легко даются, сейчас учится в МГИМО. Я с завистью смотрю, как она легко говорит и по-английски, и по-испански, и по-немецки.

Что же касается меня, то я любил и люблю свое дело. Надеюсь, оно тоже отвечает мне взаимностью. Это самое важное.

— Вы рано начали сниматься в кино?

— Я бы еще раньше начал, но студентам Школы-студии МХАТа это было строгой запретом. Если чьи-то фамилии видели в титрах, то разговор мог быть коротким: до свидания, и все.

ния, и все. Но меня не очень-то и звали, в отличие от моих товарищей, которым я жутко завидовал. А меня позвали, когда я только что закончил учебу. Просто на улице остановили и пригласили на пробы, после чего я был утвержден на свою первую картину.

— Вы скорее ощутили себя профессиональным киноактером, нежели театральным?

— Ни в коем случае. Для меня всегда на первом месте был театр. Просто потому, что он мне больше нравился. Я любил и люблю живое общение с партнерами и зрительным залом. В кино этого нет, да и вместо партнеров иногда приходится с железной, с камерой общаться.

— А как же популярность, приходящая именно с кино- и телеэкрана, о которой грезит любой молодой актер?

— Конечно, популярность была. Только "Романс о влюбленных" в СССР посмотрело 50 миллионов человек. Но стремления особого к ней у меня, честно признаться, не было. Вот, мол, я снимусь, и все меня начнут узнавать. Как-то это само собой обрушилось. И было приятно поначалу: письма с "Мосфильма" приносили коробками, на улицах узнавали. Но потом, при более близком знакомстве с этой стороной профессии, начинаешь в ней находить и отрицательные стороны.

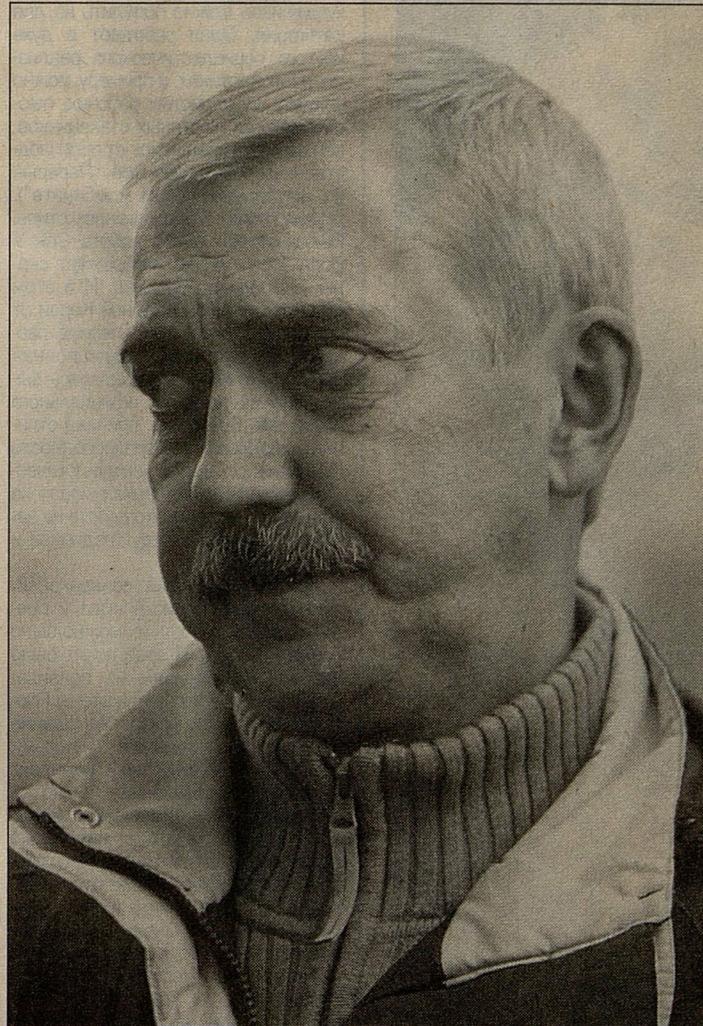
— "Звездная болезнь" вас не посещала?

— А как же!

— В чем она проявилась?

— Я стал осторожным в выборе работ. Помните, как Фаина Раневская говорила: "Сняться в плохом фильме — все равно что плюнуть в вечность". Вот и я когда-то достаточно в нее наплевал. Хороших картин у меня не так много, а проходных больше, чем хотелось бы. Но глубоких ран от этой болезни я не получил. Каким-то образом Господь помог мне устоять. Крыша окончательно не уехала, хотя поводы к этому были. А может быть, опять-таки театр меня спас. Дисциплина театральная, обязанность. Ведь когда ты постоянно работаешь в театре, круг обязанностей у тебя очень плотный. Ты должен выйти на сцену, что бы ни случилось: провел ли ты бессонную ночь в поезде или только что прилетел с натуральных съемок. Так что я благодарен театру в том числе и за это.

— всю жизнь вы работаете в одном театре — Московском Художественном. Сегодня такая позиция непопулярна. Актеры, и не только

Е. Киндинов

молодые, предпочитают быть вне штатов, чувствовать себя свободными.

— Я работал приглашенным артистом и в других театрах. Пять лет играл Митю Карамазова в спектакле Театра имени Моссовета. 10 лет назад Олег Табаков позвал меня в свой театр, в спектакли "Последние" и "На всякого мудреца довольно простоты". А уходить совсем из театра? Вот у Блока есть замечательная строчка: "Познай, где свет, поймешь, где тьма". У моего поколения актеров были четкие ориентиры: молодой Современник, позже — Таганка, Большой драматический театр в Ленинграде. Вот этот "свет" я имею в виду, то есть некий театральный идеал. Мы все мечтали играть, как молодой Олег Ефремов, Олег Табаков, Евгений Евстигнев, Владимир Высоцкий, Николай Губенко, Зинаида Славина.

А что сегодня может быть таким "светом" на театральном небосклоне? Молодым ребятам — студентам и выпускникам — сложнее. Быть может, поэтому они и предпочитают статус свободного художника. Сегодня — время хороших спектаклей, а тогда было время хороших театров.

А потом, я ведь попал в Художественный театр в тот момент, когда там еще блистали знаменитые "старички". И это действительно так, хотя все они были уже в возрасте. В спектакле "Мертвые души" я выносил какую-то рыбу, как сейчас помню, из

папье-маше, в этом и заключалась вся моя роль. Но я всегда оставался за кулисами и смотрел Бориса Ливанова в роли Ноздрева, хотя меня никто не заставлял. Или Алексея Грибова — Собакевича. И, выходя тринадцатым офицером в "Трех сестрах", оторвать глаз не мог от того же Грибова — Чебутыкина в четвертом акте. Я имел эту счастливую возможность — смотреть из-за кулис каждый спектакль. Тогда еще работали и были в силе Михаил Яншин, Алла Тарасова, Ангелина Степанова. Конечно, все знают, что это было не самое лучшее время для МХАТа. Но с точки зрения актерской технологии наблюдать за такими артистами — это, конечно, тоже школа.

Поэтому зачем отсюда бежать? Куда?

— Но с тех пор Художественный театр изрядно изменился. Как вам кажется, во внутренних ощущениях, куда он сегодня движется?

— Мне кажется, понять, куда ты идешь вместе с коллективом, возможно, только выйдя из ситуации, взглянув на нее со стороны. Изнутри трудно оценить. Я могу видеть лишь какие-то отдельные символы, которые могут сбить с толку.

Ну а что происходит с театром? То же, что и со всеми. Это очевидная вещь. Знаете, как говорят: не дай вам бог жить в эпоху перемен. Хотя один поэт сказал по-другому: "Блажен, кто посетил сей мир в его мину-

ты роковые". Вот тут и разберись: блажен или не дай бог?

С другой стороны, я прекрасно понимаю, что издержки, вполне естественные в эпоху перемен, могли быть куда более серьезными. Да, изменилась публика, поменялись ориентиры. Мы только что с вами говорили о том, что в театре сегодня нет очевидных авторитетов. Что дальше? Вот тут я однозначно убежден, что наши театральные традиции очень сильны.

— Вы имеете в виду мхатовские?

— Нет, вообще русские театральные традиции. Вот выйдите на улицу и спросите любого: кого он считает хорошим артистом? И в девяносто процентах из ста вам дадут правильный ответ. Сегодняшний зритель, я уверен, может отличить, что называется, пену от пива.

— Но пены-то куда больше.

— Правильно. И все же критерии еще до конца не сбиты. Занимаясь со студентами, я вижу, какие хорошие, талантливые молодые ребята приходят в театр. То есть я убежден, что тот кризис, который мы сегодня переживаем, будет преодолен. Я верю в это.

— Кто из режиссеров, с которыми вам доводилось работать, оставил в вашей биографии наиболее яркий след?

— Тут опять процитирую: художника надо судить по законам, им самим над собою поставленным. Режиссеры в моей жизни были разные. Я работал с Олегом Ефремовым, Андреем Кончаловским, Петром Тодоровским, Павлом Хомским, Темуром Чхеидзе и многими другими. Опять-таки работа по строительству роли — задача актера. Хуже это или лучше? Просто по-другому.

— Интересны ли вам опыты молодой и модной режиссуры, которые сегодня в избытке представлены в МХТ?

— Молодые режиссеры тоже очень разные. У каждого есть свои сильные и слабые стороны. Трудно их однозначно оценивать. Но я вам так скажу: я не поклонник того явления, что называют молодой современной режиссурой. Я не очень понимаю, что у этих людей сегодня болит, когда они ставят тот или иной спектакль. Во имя чего они это делают? Какая у него, говоря театральным языком, сверхзадача? Мне иногда кажется, что они просто предлагают: ну, давайте-ка отвлечемся на тему какой-либо классической пьесы. Точек соприкосновения со многими спектаклями молодых у меня нет. Там нет ответов на вопросы: зачем, что за этим стоит, что у тебя болит и отзывается ли эта боль в зрительном зале? А может быть, это ощущение боли им вообще несвойственно. Зачем, когда жизнь и без того тяжела, так давайте хоть в театре повеселиться. Но ведь сказал же один замечательный

немецкий писатель: "Театр — это место, где толпа превращается в народ". То есть одна из задач театра, в том числе и режиссера, — некое формирование мировоззрения тех людей, которые сегодня сидят в зале на твоём спектакле. Осознают ли это молодые постановщики, мне не всегда понятно.

— А вы послушный артист? Или случаются конфликты с не слишком интересным вам режиссером?

— Я в этом смысле, может быть, конформист. Что толку в этих конфликтах, хотя, конечно, они и у меня случались. Но уйти из спектакля, бросить работу, я не мог никогда. Я, наверное, просто дисциплинированный человек.

— Едва ли не у каждого артиста случаются обидные периоды невостремленности. Были они и у вас. Как вы к этому относитесь?

— По возможности спокойно. Наша профессия такая. В кино существуют пробы, и ты прекрасно знаешь, что на какую-нибудь значительную роль претендуешь не один. Ну взяли другого, что же делать? В следующий раз возьмут тебя. Актерская профессия, конечно, воспитывает мужество. Ее неотъемлемая часть — порой "получать", может быть, не всегда заслуженно. Больно, конечно. Но знал ведь, на что идешь. Или полагал, что все и всегда будет гладко? Нет... Здесь самое главное — не потерять веру в себя, не отчаиваться, не спать.

— Сейчас очень популярна точка зрения, что актер не должен сидеть и ждать. Нужно мелькать, тусоваться, искать пьесы и роли, предлагать себя режиссерам. В общем, самому пробиваться. Вы не пробовали?

— Интересный вопрос. Да, наверное, нужно. Но я для себя выбрал другой путь. Сам пробиваться не умею. Но я никогда не позволяю себе осудить тех, кто так существует. Мы ведь сегодня живем не только в другом времени, но и в другой стране. А я в этом смысле — человек из прошлого. Хотя без работы я не остаюсь и сейчас. Даже наоборот, не хватает времени на преподавание, а меня ведь опять зовут в Школу-студию.

— Сегодня вы по-прежнему позволяете себе выбирать роли или соглашаетесь на все?

— Нет, конечно, выбираю.

— И по каким критериям?

— Да какие критерии! Все проще. Выбираю не то чтобы по значимости роли, но по ее интересу для меня, по наличию второго плана. Короче, есть в роли хоть что-нибудь или нет ничего, кроме возможности помелькать на телеэкране. Вот из этих соображений я исхожу.

— А как же соображения материальные?

— Ну, естественно, приходится и это учитывать. Иногда работаю в антрепризах, хотя они тоже бывают разными. Например, в спектакле по чеховским водевилям играю с удовольствием. Иногда все же мелькаю в сериалах, нужно ведь зарабатывать. Но стараюсь этим не злоупотреблять.

— Не столь давно вы приняли на себя обязанности заведующего группой МХТ. Зачем вам это?

— В данном случае мне было трудно отказать Олегу Павловичу, потому что я ему очень обязан. Я уже говорил, что, когда у меня был во МХАТе трудный период, он пригласил меня играть в Табакерке, что я и делаю до сих пор. А потом, у меня есть замечательные помощники, да и задачи поставлены вполне конкретные. Я просто хочу помочь театру. У нас идет смена поколений, пришло много молодых артистов, нужно всем уделить внимание.

— Преподавать вы начали давно?

— В конце 90-х у меня был курс во ВГИКе, а сейчас я надеюсь вернуться в свою alma mater.

— Чему вы прежде всего хотите научить своих студентов?

— Школе. Умение работать самостоятельно. Ведь режиссура, с которой им придется столкнуться в будущем, самая разная — и формальная, и психологическая. Сегодня видите, какой у нас разброс? Но театр — это прежде всего движение души. Ведь что такое "жизнь человеческого духа"? Это просто: как на моих глазах меняется человек, актер? Если зритель это ощущает, значит, актер настоящий. Мизансцена же при этом может быть любой. И оформление тоже. Безусловность проживания, существования на сцене возможны в любой, даже самой условной постановке. Вот, наверное, именно за этим к нам приезжают всемирно известные режиссеры — Петер Штайн, Деклан Донеллан, Тадаши Судзуки. Они любят работать с русскими артистами.

— Студенты разделяют ваши убеждения?

— А вот это уже зависит от витамина "Т", то есть от таланта педагогического. Если он у тебя есть, ты сможешь их заразить.

— Чем вызван ваш сегодняшний оптимизм во взгляде на жизнь и театр?

— Вы знаете, я недавно был в Хорватии — там до сих пор стоят разрушенные дома. Мы много думаем о том, что у нас не получилось. И это, наверное, нормально. Но мы не умеем радоваться тому, что не случилось худшего. Ведь мог в нашей стране произойти югославский вариант, с гражданской войной. Слава богу, этого нет.

Так и в театре. Ну другая страна совсем. Сегодня молодые люди еще на студенческой скамье попадают в экстремальную ситуацию — выбора, соблазнов, искушений. У нас подобных искушений было меньше. В смысле денег, популярности, раскрутки, тусовок всяких.

А мой оптимизм связан с талантом моих учеников. Это раз. Второе, несмотря на все издержки переходного периода, зрители по-прежнему умеют отличить хорошего артиста от плохого. И наконец, традиции. Это дает основания смотреть в будущее с оптимизмом. Будем надеяться, что театр останется местом, где толпа превращается в народ.

Беседу вела
Ирина АЛПАТОВА
Фото ИТАР-ТАСС